

Нурфия ЮСУПОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУФИЙСКИХ СИМВОЛОВ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В поэзии начала XX века доминирует мышление образами-символами. Особо в этом плане стоит отметить традицию суфизма, философско-эстетические основы которого были близки к символизму и элементы проявились в татарской литературе начала XX века. В татарской поэзии о Тукае начала XX века также и доминирует суфийская символика, где на первый план выходят такие астральные образы как «Звезда», «Солнце», «Луна», «Свеча»; и в формировании национального идеала в лице Тукая участвует суфийская концепция Совершенного человека.

Tokay hakkındaki XX asır başlangıcındaki tatar şiirinde tasavvufi sembollere geniş yer verilmiştir. "Yıldız", "Güneş", "Ay", "Çırağ" tanımlamalarıyla millî kahraman olan Tokay'ı "gelişmiş insan" olarak göstermeye çalışır..

В поэзии начала XX века доминирует мышление образами-символами. Особо в этом плане стоит отметить традицию суфизма, философско-эстетические основы которого были близки к символизму и элементы проявились в татарской литературе начала XX века [3, 75-76]. По мнению исследователей, культура выражает себя через мир символических форм, которые передаются от человека к человеку, от поколения к поколению. Через символы нашему сознанию открывается святая святых культуры – смыслы, живущие в бессознательных глубинах души и связывающие людей в едином по типу переживания мира и самих себя [1, 14-15]. Искусство XX века, по определению А.Белого, насквозь символично [2, 340].

Как отмечает А.Саяпова, историко-культурный фон татарской поэзии начала XX века способствовал активному вторжению в нее суфийской образной системы, которая придала в целом светской, европеизированной поэзии национальный восточный колорит, расширив и обогатив ее художественное и эстетическое содержание [3, 97]. Проследившая отдельные произведения, посвященные Г.Тукаю, можно выделить трансформацию суфийской символики в татарской литературе начала XX века, определить художественные особенности творческого сознания.

В поэзии начала XX века личность Г. Тукая становится символом нации, идеалом татарского общества. Как известно, общей тенденцией в татарской литературе начала XX столетия является повышенный интерес к национальным проблемам. Эта тенденция отражается в создании идеальной, абсолютной личности в ее специфике.

Символизация личностей своими корнями уходит в средневековую литературу. Проследившая эволюцию идеализации можно выделить ряд

этапов в данном процессе, наблюдать диахронические трансформации идеала в татарской литературе, которые в конечном итоге приводят к формированию светского идеала в начале XX века.

В болгарский период возникает идеал в соответствии с религиозно-исламской идеологией, доминирует «религиозный идеал». Исламская философия оказывает решающее влияние на его формирование в среднем Поволжье. Через мусульманский мир в татарскую литературу проникают традиции восточной литературы, общественно-философской мысли (суфийское учение), основанные на учении «Камиль инсан», (совершенный человек), предложенном Ибн Араби (1165-1240), создавшем философские основы суфизма [4, 62-75].

В качестве образца абсолютного совершенства восточный мыслитель возносит пророков, от Адама до Мухаммеда, уделяя духовному миру и образу жизни последнего особое внимание и рассматривая его как ответ божественного [5, 56].

По мнению Ибн Араби, образ Адама, Совершенного человека, повторив образ Бога в зеркале мира, стал вселенской матрицей бытия [6, 21-22]. Образ совершенного человека в лице Мухаммеда, сумевшего сплотить языческие арабские племена в единый «мусульманский народ», воспринимается и как стержень некоего центра, способного объединить вокруг себя человеческое общество. В силу превосходства духовных и нравственных качеств, эта идея, определенная в трактатах великих мыслителей Востока Аль-Фараби, Ибн-Рушди, Ибн-Сины, проникает в средневековый татарский мир через труды Насретдина Туси, Низами, Фирдоуси, Джами, Новаи и находит отражение в творчестве Кул Гали, Котба, С.Сарай, Х.Кятиба, Мухаммедьяра [7, 56-57].

Они, продолжая традиции своих предшественников, считали себя проповедниками объединения вокруг божественного и жизненного идеала в самом северном форпосте тюркского анклава. Непременным условием формирования идеального общества поэты предполагали наличие умного, образованного, справедливого правителя, т.е. наделенного качествами пророка. Одним из первых литературных произведений, представивший образец религиозного идеала в соответствии с учением «Камиль инсан», была поэма Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф». Традиции Кул Гали, его представления об идеальной личности продолжают произведения «Хосров и Ширин» Котба, «Махаббатнамэ» Хорезми, «Джумджума султан» Х.Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» Саифа Сарай, а также в более поздних произведениях Мухаммедьяра, Умми Камала, Г.Утыз Имяни.

Во второй половине XIX века формируется новая мировоззренческая парадигма, в которой религиозные учения соединяются с просветительскими тенденциями. В центр внимания выдвигается уже земной представитель татарского общества, в котором концентрируются лучшие черты национального характера, происходит напластование религиозного и

светского идеалов. Личностью, наиболее соответствующей данному идеалу, стал татарский просветитель Ш.Марджани.

В начале Нового столетия на литературной арене появляется образ-символ другой личности, который заботится о благе народа, все силы отдает делу нации, смысл жизни видит в служении народу [8, 127], борется за свободу духа и мысли, защищает интересы народа, главным качеством при оценке героя становится национализм. Надежда на светлое будущее татар связывается с социальной личностью, гуманистом, борющимся за счастье всех социальных слоев общества [9, 12].

Таким образом, формируется идеал личности, посвятившей себя служению народу - «национальный хадим». Учение о личности, посвятившей свою жизнь служению нации, было разработано И.Гаспринским и Г.Баруди, Ю.Акчуриным [10, 36]. В дальнейшем эта концепция совершенствуется в работах А.Хальфина, Дж.Валиди, Г.Забирева.

В поэзии рассматриваемого периода такие качества Тукая, как преданность народу и нации, граничащая с жертвенностью, душевность и гуманизм детерминировали многозначность нового идеала. При этом личность Тукая и его творчество рассматривается как дифференцированное целое. Высшим достоинством национального идеала - Тукая является его решимость отвечать за свои действия, способность к высшему духовному творчеству, творчеству совести, личной нравственной ответственности, в чем и заключается красота личности.

Кроме того, в формировании национального идеала участвует концепция Совершенного человека, т.к. при изучении образа Тукая в поэзии начала XX века можно выделить некоторые признаки суфийской концепции. В некоторых поэтических произведениях наблюдается устойчивая тенденция к изображению образа Тукая в ракурсе поэта-пророка. Например, в стихотворении «Поэту» С.Сунчалая автор опирается на традиции учения Камиль инсан, перед читателем Тукай предстает как поэт-пророк, стремленный к совершенству. Поэт является своего рода микрокосмосом, тенью, отражением макрокосмоса, что определяет в нем человеческие и божественные качества:

Әй, шагыйрь! Белсәң иде, нинди синең кадерең боек!
Син Ходаның илчесе - һәм жырларың вәхи кеби! [11, 3].

В таких произведениях как «Азан» С.Сунчалая, «После смерти Тукая» Ш.Бабича образ Тукая создается в соответствии с представлениями об идеальной личности, как личности, обладающей нравственной чистотой, глубиной духа, богатством чувств и души, в то же время способной объединить татарскую нацию:

Рух өрден син, халкың тергезден син,

Гали күңлең чэчте кодси нур... [12, 21].

В творческой деятельности поэта определяется благородный подвиг во имя народа, что кажется его пророческим призванием. Схожую тенденцию наблюдает Г.Халит и в творчестве Тукая при раскрытии образов Х.Ямашева, Ш.Марджани, Л.Толстого [13, 178]. В творчестве Г.Тукая наблюдается усиленный поиск идеала нового образца. В стихотворениях, посвященных Ш.Марджани, Х.Ямашеву, Г.Исхаки выявляются компоненты, присущие обобщенному образу идеальной личности - «героя своего времени». Самое интересное заключается в том, что данная модель стала использоваться в творчестве поэтов более позднего времени как образец в изображении самого Тукая.

Кроме того, в поэзии, посвященной Тукаю, личность поэта раскрывается через характерные для его же поэзии символические образы. В стихах Ш.Бабича («Габдулла Тукаев», «После смерти Тукая»), С.Сунчалая («Ручей»), К.Курмашева («Поэтическому соловью, великому Габдулле Тукаеву»), Х.Габидова («Почему же гаснут свечи»), носящих светский характер с идейно-смысловой нагрузкой, также обнаруживается суфийская символика. В них романтическая символика, взятая из арсенала суфийской литературы и превратившаяся в национальную традицию, становится своеобразным художественным приемом создания образа Поэта и Человека. Например, в стихотворении Х.Габидова «Почему же гаснут свечи» используется один из самых распространенных суфийских символов – свеча:

...Җил өрәме, мае йокмый - нигә бу шәмнәр сүнә [14, 129].

Как известно, образ свечи суфиями воспринимается как божественный свет, Макрокосм, Абсолют. Но в данном произведении образ свечи приобретает новую смысловую нагрузку и переосмысливается Габидовым как символ высшей божественной силы, одаривающей творческим вдохновением. В рамках стихотворения автор обращается к еще одному суфийскому образу «корабля», который символизирует судьбу, одиночество, трагическую участь человека, брошенного в хаос жизни. Последние строки рождают чувство горечи, что усиливает эмоциональное воздействие внутренних переживаний лирического «я», подводя к черте скорби романтической трагедии:

Мәрхәмәт! Шәфкать!.. Ярабби!.. Кызганыч өннәрчыга!
 Бу караңгы төн үтеп, безгә качан көннәр чыга?.. - дип,
 Мөгәллимнәр горуһы сызлана, жаннан бизә,
 “Коткарам!” дип милләтен, миһнәт күрә, дөнья гизә.
 Җан атып, корбан булып шанлы мөгәллимнәр үлә... [14, 129].

В отдельных произведениях поэты обращаются к таким космогоническим образам как Солнце, Луна, Звезды, создавая при этом новые смысловые вариации в соответствии с потребностями времени. Каждый символический образ по своей семантике и эстетике служит определению величия, духовной целостности поэта. Н.Пригарина, на материале жанра бейт в восточной поэзии так определяет это явление: «целью сравнения является не субъект, а объект сравнения и усилие поэта направлено не на постижение действительности через метафору, а скорее на постижение метафоры с помощью действительности. Естественно, что подобный механизм ... дает их идеализированный, обобщенный и символизированный аспект» [15, 91] Это положение приемлемо и к указанному пласту национальной поэзии. Символы Солнца, Луны, Звезд позволяют более емко, значимо увидеть и осмыслить внутренний мир, образ жизни героя-поэта.

В стихах Ш.Бабича «Габдулла Тукаев», «Инеш» С.Сунчалая, «Габдулла Тукай» Ш.Фидаи, «Габдулла эфэнде» М.Файзи и др. образы-символы Солнца, Луны, Звезды Чулпан приближают Тукая к абсолюту. Он один, единственный в своем роде и его смерть равнозначна для татарского народа потери небесных светил:

Яктысы берлән сихерләп күк читен, әкрән генә,
Моңгына изге кояш – солтан кояш иелә, иңә...
Йә, ничек киң ул сәгадәтле кояшның яктысы!
Нинди төс юк нурларында! Һәммәсе оҗмах төсе! [12, 13]

Как известно, пришедший из восточной литературы символ Луны выражает красоту, чистоту, первозданность чувств. Развиваясь в новых эмоциональных и смысловых оттенках, этот символ теряет свои традиционные черты: под «красотой» уже подразумевается нравственность, духовность, творческое величие поэта, и в конечном счете, единство судьбы поэта и народа. Для лирического героя стихотворений начала XX века Тукай – Учитель, духовный наставник, объект преклонения и подражания.

Арсенал символических образов, используемых татарскими поэтами начала XX века для идеализации Г. Тукая, не ограничивается астральной символикой. Стоит обратить внимание и на другие символы, в частности, на символы жемчуга и бриллианта, характерные для средневековой суфийской поэзии. Такая символика применяется в стихах Я.Мамишева «На память», К. Патии «Тукаю». Например, в произведении «Тукаю» К.Патии обращается к суфийскому символическому образу бриллианта:

Тукай, син бриллиант халкың күзендә,
Һаман ялт-йолт итәр "Ялт-йолт" йөзендә.
Бәләнд рухын, бәләнд аң диңгезендә,

Тирән эз калды ул узган эзендә... [16, 4]

Шүрәлең көлдәре кич көндезендә...

Образ бриллианта в рамках стиха используется в двух значениях: во-первых, подчеркивает подлинную драгоценность, божественное значение поэзии Тукая, во-вторых, ассоциируются с образом слез в связи с безвременной кончиной поэта. Подобная многозначность образа обеспечивает возможность выявления новых смысловых нюансов, тончайших изгибов мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурология: Учебное пособие // Сост. и отв. редактор А.А.Радугин. – М.: Центр, 2003. – 243 с.
2. *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
3. *Саяпова А.* Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2006. – 246 с.
4. *Ибрагим Т.* Суфийская концепция «совершенного человека» // Человек как философская проблема: Восток – Запад. – М., 1991. – С.62-75.
5. *Брагинский И.* К итогам дискуссии о периодизации истории литератур Востока // Народы Азии и Африки. – 1965. - №3. – С.55-72.
6. *Игнатенко А.* Мир – Бог в Зеркале, или как возник Совершенный Человек // Человек Природа в духовной культуре Востока. – М.: ИВ РАН: КРАФТ, 2004. – С.17-47.
7. *Абилов Ш.* Идеал социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // Из истории татарской общественной мысли. – Казань: Тат.книж.изд-во, 1979. – С.56-67.
8. *Мәрданов Р.* «Шура» журналында (1908-1918) әдәбият мәсьәләләре: филол. фн. канд. ...дис. – Казан, 1999. – 157 б.
9. Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – Т. 3. – 600 б.
10. *Хабутдинов А.* Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900-1918 гг. – Казань: Изд-во КГУ, 1997. – Ч. 1. – 62 с.
11. *Сүнчәләй С.* Шагыйрьгә // Сүнчәләй шигырьләре. – Казан, 1913. – 7 б.
12. Мин Тукайга киләм. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 192 б.
13. *Халит Г.* Многоликая лирика. - Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – 405 с.
14. *Габидов Х.* Нигә бу шамнәр сүнә // Казан утлары. – 1991. – № 1. – 129 б.
15. *Пригарина Н.* Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке / Восточная поэтика. – М., 1983. – С.89-107.
16. *Патти К.* Тукайга // Сабыйлар догасы. – Казан, 1915. – 8 б.

REZUME

YUSUPOVA N. (Kazan)

TRANSFORMATION OF SUFI SYMBOLS IN TATAR POETRY OF EARLY 20TH CENTURY

In the Tatar poetry of the beginning of the XX-th century about Tukai the Sufi symbolics dominates, where on the foreground there are such astral images as "Star", "Sun", "Moon", "Candle". At the same time in poetry of that period idealisation of Tukai is observed, he is represented the exemplary person, a national symbol. The Sufi concept of the Perfect person participates in formation of a national ideal.

Keywords: poetry, sufism, philosophy of Sufism, an image, a symbol, «the perfect person».